

18+

НИКА ВЕСПЕР

Хроматика чёрного

Ника Веспер

Хроматика чёрного

«Издательские решения»

Веспер Н.

Хроматика чёрного / Н. Веспер — «Издательские решения»,

Её кровь хранит частоту. Институт хочет её украсть. А она просто хочет петь. Елена узнаёт, что брат погиб не случайно: он пытался защитить её от людей, видящих в ней не девушку, а «реактор» — источник редкого белка. Теперь у неё выбор: бежать или выйти на сцену и спеть так громко, чтобы система не смогла её заглушить. В её арсенале — гитара, верные друзья и резонанс, откликающийся только на искренность. Подростковый триллер о музыке, тайнах и праве остаться собой.

© Веспер Н.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Новый Город, Новая Кожа	6
Глава 2. Первый Звонок и Злые Глаза	7
Глава 3. Концерт, Осколки и Последняя Капля	9
Глава 4. Броня из Черной Краски	11
Глава 5. Асфальтовая Крошка и Рыжие Искры	12
Глава 6. Цифровой мост и тишина квартиры	14
Глава 7. Солнечные зайчики и общий плейлист	16
Глава 8. Шаурма как акт сопротивления	18
Глава 9. Аккорды весны	21
Глава 10. Возвращение света	24
Глава 11. Светлые пряди и бабочки	27
Глава 12. Фестиваль «Весенний Бум» и тень в подъезде	30
— САША! САША!!!	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Хроматика чёрного

Ника Веспер

© Ника Веспер, 2026

ISBN 978-5-0071-0732-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Хроматика чёрного» Ника Веспер

Пролог

14 февраля. Они знают, что я выкрал данные. Завтра я должен встретиться с Андреем, передать архив. Но я не доживу. Я чувствую это. Машина тормозит странно. Кто-то был в гараже. Если ты читаешь это, Лена... прости. Я не успел создать блокатор. Но я оставил тебе ключ. В гитаре. В той самой, что я подарил на двенадцатилетие. Ищи дневники. И пой. Громче, чем они могут заглушить. Твоя кровь помнит частоту. Она всегда помнила. Я люблю тебя, сестрёнка. Надери им всем зад.

Глава 1. Новый Город, Новая Кожа

Есть вещи, которые нельзя спрятать. Тени можно выключить светом. Секреты — сжечь. Но резонанс... резонанс живёт внутри. Он ждёт. И когда-нибудь он вырвется наружу — через голос, через вены, через разбитую гитару. Я пыталась заглушить его годами. Но кровь не молчит. Она хранит частоту. И отзывается, даже когда ты не готов слушать.

Мир вокруг меня наконец замолчал. Это случилось не сразу — сначала в нём долго звенели крики родителей в нашей старой квартире, потом был шум переезда и, наконец, ядовитый шёпот девчонок из 8-го «Б», который преследовал меня на каждой перемене. Но сейчас, когда я стояла у окна в туалете новой школы, всё стихло. Я смотрела на своё отражение: мои длинные светлые волосы, которые я так любила, теперь были взлохмачены и спутаны. Глаза выглядели потухшими, а под ними залегли темные круги. Мне четырнадцать, я живу в городе, который меня не ждал, и, кажется, я официально стала призраком.

Месяц назад, в тот вторник, мама положила на стол документы о разводе.

До этого момента я была другой Еленой Вознесенской. У той девочки были светлые волосы до поясицы, которыми она так гордилась, и привычка улыбаться прохожим. Она любила заваривать чай на всю семью и мечтала, что летом мы все вместе поедem к морю.

Но в тот вечер на кухне было слишком светло и слишком холодно. Белые листы бумаги с синими печатями казались какими-то искусственными, не настоящими, но именно они в один миг перечеркнули всё моё будущее. Мама не смотрела мне в глаза. Она просто сказала, что «так будет лучше», и что через две недели мы переезжаем в другой город. В новую квартиру. В жизнь, которую я не выбирала.

Папа даже не вышел из комнаты, чтобы попрощаться. У нас с ним всегда были напряжённые отношения, но его молчание за дверью ударило меня сильнее, чем если бы он кричал.

Переезд превратился в бесконечный парад серых коробок. Новая квартира встретила нас запахом дешёвой краски и абсолютной пустотой. Моя комната была меньше прежней, но с красивым видом на город, что хоть что-то радовало в этом дурацком переезде. Здесь не было моих старых рисунков на стенах, не было привычного скрипа паркета. Только гулкое эхо моих собственных шагов.

Именно в ту первую ночь в пустой квартире, когда мама плакала на кухне, стараясь делать это бесшумно, я заперлась в ванной. Я смотрела на себя — правильную, послушную девочку, у которой только что отобрали дом — и чувствовала, как внутри что-то лопается со звоном.

Это был тот вторник. А потом были недели, наполненные ядовитым шепотом в коридорах, косыми взглядами и ощущением, что я — чужая. Я старалась быть незаметной, пряталась за книгами и наушниками, но это не помогало. Я чувствовала, как ломаюсь, как что-то важное во мне умирает.

Глава 2. Первый Звонок и Злые Глаза

Утро началось с мерзкого привкуса усталости во рту и тупой боли в виске. Сегодня был первый день в новой школе. «Надо идти», — прошептала я самой себе, словно давая команду. Быстро натянув свои самые обычные джинсы и старую куртку (мама сказала, что её «ещё можно носить»), я сунула в рюкзак скейт, гитару и, конечно, наушники. На улице было сыро и пасмурно, идеальная погода для песен Алёны Швец. Я выбрала «Мальчик из Питера» — она помогала мне чувствовать себя немного меньше одинокой.

Я шла, не глядя под ноги, погруженная в меланхоличный ритм, и почти врезалась в кого-то. Точнее, кого-то задела.

— Эй! Куда прёшь? — раздался над ухом дерзкий голос.

Я выдернула один наушник. Передо мной стояла девушка с ярко-красными волосами, собранными в небрежный хвост, и новым, блестящим пирсингом в носу. Она смотрела на меня с нескрываемым вызовом. Её глаза, казалось, прожигали меня насквозь.

— Простите, я не услышала, — тихо ответила я, пытаюсь сохранить невозмутимость.

— Что, оглохла? — съязвила она, её взгляд скользнул по моим длинным светлым волосам, и она фыркнула. — Ну-ка, уродка, смотри куда идёшь.

Это было больше, чем простое «не заметила». В её тоне слышалась какая-то злая ирония. Я поняла, что она меня запомнила. Это было не очень хорошо.

До школы оставалось всего пара кварталов. Внутри здания пахло пылью и вонючей хлоркой. Я плюхнула сумку в ноги и начала искать свой класс. «8 „Б“... Третий этаж, кабинет 307, физика,» — пронеслось в голове. Тащиться на третий этаж после всего, что случилось, было последнее, чего мне хотелось, но выбора не было.

Я прошла по гулкому коридору, ища нужную дверь. Кабинет 307. Постучала, приоткрыла.

— Вот блин, первый день в новой школе, а я уже опоздала, — пробормотала я себе под нос.

— Новенькая, да? — прозвучал приятный, хоть и немного усталый голос. У двери стояла женщина средних лет, в строгом, но каком-то по-домашнему уютном платье. — Меня зовут Мария Сергеевна. Я буду у тебя вести физику и химию.

Она окинула меня взглядом — цепким, внимательным, но не задерживающимся на моей внешности. Я почувствовала, как краснею, но постаралась сдержаться.

— Да, Елена Вознесенская, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Прошу любить и жаловать, — с легкой улыбкой обратилась Мария Сергеевна к классу. — У нас сегодня новенькая — Елена Вознесенская.

Весь класс уставился на меня. Я чувствовала на себе взгляды, как ощупывания. Я была здесь как бельмо на глазу. Села на третью парту у окна. Не потому, что там было свободно, а потому, что там никого не было. Сидеть одной было легче, чем видеть сотни незнакомых лиц.

Уроки пролетели в тумане. Физика, алгебра, химия... Я старалась быть незаметной, пряталась за учебниками, едва поднимала взгляд. Единственным светлым пятном стала музыка. Урок, который я действительно ждала.

Кабинет музыки оказался светлым и просторным. Возле учительского стола стояла она — акустическая гитара. Не новая, с парой царапин на деке, но такая желанная. Мои глаза непроизвольно загорелись. Мне так хотелось взять её в руки, но я не смела.

— Здравствуйте, ребята! — заулыбалась учительница, кажется, Татьяна Владимировна. — Сегодня поговорим о музыке. Кто-нибудь из вас играет на музыкальных инструментах?

По классу прокатилась волна молчания. Лица учеников остались всё такими же равнодушными. Татьяна Владимировна тяжело вздохнула.

— Неужели никто? — спросила она с явным разочарованием.

И тут я, к своему удивлению, подняла руку.

— Я умею играть на гитаре, — тихо сказала я.

Глаза учительницы оживились.

— Правда? Как здорово! У вас есть возможность продемонстрировать это?

Я кивнула. Она подошла к столу, взяла гитару и протянула её мне. Сердце забилося быстрее. Я взяла инструмент, привычно устроив его между колен. И начала играть. Первые аккорды «Мальчика из Питера» Алёны Швеца разнеслись по классу. Неловкость ушла, осталась только музыка. Я запела, и мой голос, обычно тихий и неуверенный, вдруг прозвучал звонко и чисто. Когда я закончила, в классе повисла тишина. Потом кто-то робко хлопнул, потом ещё, и ещё... Хлопали почти все. Я чувствовала, как краснеют мои щеки, но это был другой румянец — не от стыда, а от... чего-то другого.

— Ты просто потрясающе играешь, Лена! — воскликнула Татьяна Владимировна. — Ты должна выступить на нашем школьном концерте завтра!

У меня внутри всё сжалось. Завтра? На сцене? Я не была готова.

— Я... я подумаю, — пробормотала я, возвращая гитару.

— Пф. Подумает она, ты ужасно играешь, куда тебе выступать. — посмеялась она. Но какой-то парень крикнул что-то ей, и она замолчала.

Урок закончился. Я собрала вещи, стараясь не смотреть на одноклассников.

Новый день, новые проблемы. Когда я вышла из школы, меня уже ждала «компания». Красные волосы Леры мелькнули впереди. Они окружили меня, как стая волков.

— Ну что, «звезда»? — прошипела Лера, толкнув меня в плечо. — Решила тут блистать?

Её подруги, две бледные девушки, стояли рядом, с любопытством разглядывая меня. Я попыталась оттолкнуть Леру, но она была сильнее. Удар, ещё один. Одна из подружек, кажется, даже вцепилась мне в волосы. Я пыталась увернуться, но их было слишком много. Боли не было, только тупая, глухая злость.

Домой я пришла разбитая. Куртка была порвана, на щеке — ссадина, а под глазом уже начал проступать синяк. Но говорить маме я не стала. Она и так слишком сильно переживала из-за развода, из-за переезда, из-за того, что не могла найти работу. Новая куртка была бы непозволительной роскошью. Я прошмыгнула в ванную, попыталась смыть остатки крови, размазанной туши и слёз. Потом, в своей пустой комнате, я тихо плакала, утыкаясь лицом в подушку.

Глава 3. Концерт, Осколки и Последняя Капля

Концерт проходил в тот же вечер. Я не хотела идти, но мама настояла: «Надо привыкать к новой жизни, Лена. Нельзя сидеть дома». Я чувствовала себя опустошенной. Каждый шаг отдавался болью, каждый звук резал слух.

Школьный актовый зал гудел, как улей. Я пробралась на задние ряды, стараясь быть незаметной. Танцы, песни, выступления учителей — всё казалось таким далёким от моего мира. И вот объявили мой номер. «Елена Вознесенская».

Я вышла на сцену, крепко сжимая гитару. Сердце колотилось где-то в горле. Сначала было страшно. Я видела Леру в первом ряду, она смотрела на меня с явной ненавистью. Но потом я начала играть. Алёна Швец. «Скейтер». Мой голос дрожал, но я пела.

Когда последняя нота угасла, в зале повисла пауза. Я уже приготовилась к худшему, но вдруг раздались аплодисменты. Не такие бурные, как в тот первый раз, но искренние. Люди вставали, хлопали. Я чувствовала, как на глаза наворачиваются слезы.

А потом я увидела Леру. Она сидела с каменным лицом, её подруги тоже молчали. Я увидела, как она что-то шепчет своей «свитой», и они кивают.

Я спустилась со сцены. Концерт был замечательным. Я уже выходила со школы и меня уже встречала Лера с её «свитой»

— Поздравляю, «певица», — Лера прошептала так, что её услышала только я. — Думаешь, теперь ты самая крутая?

— Отпусти, Лера, — мой голос дрожал, но я старалась говорить твердо.

— А если не отпущу? — она толкнула меня. Я почти упала. И она начала дубасить меня ногами по лицу.

— Лера, хватит, — вклинилась одна из её подружек, которая, кажется, действительно была впечатлена моим выступлением. — Это уже слишком.

— Заткнись, — рявкнула Лера, бросив на неё злой взгляд. — Вы обе мне надоели.

Она схватила мою гитару.

— Не трогай! — крикнула я, вырываясь. — Это... это дорого!

— Дорого, говоришь? — Лера злобно усмехнулась. — Так заberi!

Она подняла гитару над головой. Я пыталась её выхватить, но Лера была слишком сильна. Её подруги замерли, испуганные.

— Лер, не надо! — прошептала одна из них.

Но Лера уже замахнулась. С резким, омерзительным треском гитара разлетелась на куски. Я смотрела на эти осколки, и чувствовала, как что-то внутри меня рвется. Это была гитара моего брата. Единственное, что у меня осталось от него.

Я упала на пол, сквозь слезы видя, как разлетаются осколки. Из носа потекла кровь, губа горела. Я лежала среди обломков, чувствуя, как моя последняя надежда разбивается вместе с гитарой. Это был конец. Я закроюсь. Полностью.

Осторожно, чтобы не пораниться, я собрала несколько самых больших кусков дерева. Память о брате. Память о том, что такое боль.

Домой я пришла сама. С разбитой гитарой, синяками и чувством полного опустошения. Я кое-как привела себя в порядок, отмыла кровь. Есть не хотелось. Ничего не хотелось. Я просто забралась в кровать и натянула одеяло до самого подбородка.

Глава 4. Броня из Черной Краски

Утро. Вставать не хотелось. Но нужно. Из зеркала на меня смотрела «уродина». Девочка с заплаканными глазами, с синяком, который начал желтеть, и с остатками былой «правильности» в облике. Мои длинные светлые волосы казались мне сейчас чем-то постыдным. Как будто они были мишенью, за которую Лере было удобно меня хватать.

«Больше ты до меня не дотронешься», — прошептала я, и мой голос прозвучал чужо и хрипло.

Я не хотела быть красивой. Красивых девочек ломают. Я хотела стать... никакой. Холодной. Острой.

Я нашла в ящике старые кухонные ножницы. Те самые, которыми мама резала бумагу для коробок. Взяла первый локон — длинный, золотистый, тот, который папа всегда называл «солнечным». Резкий щелчок. Волосы упали в раковину, какдохлая птица. Я резала быстро, неровно, кусок за куском. Пряди летели на пол, забивались в сток, но мне было плевать на симметрию.

Затем пришла очередь краски. Густая, пахнущая резкой химией черная жижа медленно поглощала остатки моего «света». Я размазывала её по волосам, по лбу, по ушам, не заботясь о перчатках. Мои руки стали черными, как будто я копалась в пепле.

Пока краска въедалась в волосы, я достала набор для пирсинга, который купила на карманные деньги в переходе еще в прошлую пятницу. Пальцы дрожали, но решимость была сильнее страха. Холодная игла проколола бровь. Резкая вспышка боли заставила меня зажмуриться, но я не издала ни звука. Затем — губа. Вкус металла и капля крови на подбородке.

Когда через час я смыла краску и вытерла лицо, на меня из зеркала смотрел другой человек. Короткие, рваные черные волосы торчали в разные стороны. Темный металл в брови и губе делал лицо жестким, почти злым. Синяк под глазом теперь не выглядел как метка жертвы — он казался частью этого нового, мрачного образа.

Я не стала лучше. Я не стала счастливее. Я просто создала себе оболочку.

«Теперь попробуй, укуси», — подумала я, глядя в свои собственные пустые глаза.

Я вернулась в комнату, натянула самую большую черную толстовку и легла на кровать, не расстелив её. Мне всё еще было больно. Мне всё еще было одиноко. Но теперь у меня была моя броня.

Мир вокруг меня наконец замолчал. Но это была не тишина покоя. Это была тишина перед долгой, холодной зимой.

Глава 5. Асфальтовая Крошка и Рыжие Искры

Скейт-парк «Феникс» находился на окраине района, между заброшенным заводом и новенькими многоэтажками. Для меня это место стало единственным, где шум города перекрывался грохотом колес по бетону. Тут никто не спрашивал, почему у тебя синяки под глазами или почему ты выглядишь такой потерянной. Тут всем было плевать.

Я встала на доску. Мой старый скейт, обклеенный потертыми стикерами, был единственным, что не сломала Лера — она просто не знала, что он у меня есть.

Я разогналась. Ветер бил в лицо, заставляя глаза слезиться. В ушах привычно надрывалась Алёна Швец: «Я рисую на асфальте...». Я ехала всё быстрее, пытаюсь убежать от мыслей о завтрашней физике, о пустой квартире и о разбитой гитаре брата, осколки которой теперь лежали в коробке под моей кроватью.

На крутом повороте рампы колесо наткнулось на мелкий камень. Доска резко вильнула.

Я даже не успела выставить руки. Удар об асфальт был жестким. Правое колено обожгло острой болью, ладони мгновенно превратились в кровавое месиво. Я лежала на боку, задыхаясь, и смотрела, как мой скейт медленно катится прочь, ударяясь о бордюр.

— Черт... — прохрипела я, закусив губу.

Из глаз брызнули слезы — не столько от боли, сколько от обиды. Казалось, даже земля в этом городе хочет меня ударить. Я уткнулась лбом в холодный бетон, надеясь, что никто не видел этого позорного падения.

— Эй, ты как? Живая?

Голос был спокойным и звонким. Я подняла голову. Передо мной стояла девушка. Она не была похожа на тех кукол из моей школы. На ней была широкая клетчатая рубашка, поношенные кеды с ярко-желтыми шнурками, а из-под джинсовой панамы выбивались непослушные рыжие пряди.

Она протянула мне руку.

Я посмотрела на её ладонь, потом на её открытое, веснушчатое лицо. Моя первая реакция — ошетиниться. Закрыться. Сказать что-то грубое, чтобы она ушла.

— Сама справлюсь, — буркнула я, пытаюсь подняться самостоятельно, но колено предательски подогнулось, и я едва не рухнула обратно.

— Ага, я вижу, как ты справляешься, — девушка усмехнулась, но в этой усмешке не было издевки. Только добрый юмор. Она не убрала руку. — Давай, Вознесенская, не строй из себя героиню. Кровь на асфальте — это, конечно, эстетично, но заражение крови — так себе перспектива.

Я замерла.

— Откуда ты знаешь мою фамилию? — подозрительно спросила я, вытирая ладони о джинсы.

— Мы в одном классе, вообще-то. Я Аня. Сiju с тобой, точнее... должна там сидеть. Я болела долго, сегодня первый раз вышла «в свет», — она кивнула на свой скейт, лежащий неподалеку. — Видела, как ты на музыке выступала. Круто было. Жаль гитару.

Я стояла, пошатываясь, и во все глаза смотрела на неё. Она видела? Она знает?

— Откуда ты знаешь про гитару? — подозрительно спросила я, вытирая ладони о джинсы.

— Видела тебя вчера после школы. Издалека. Хотела подойти, но... их было много, а я трусиха, — Аня виновато пожала плечами и тут же полезла в свой рюкзак. — Держи, у меня есть перепись и пластыри. Я часто летаю с этой раппы, так что я — ходячая аптечка.

Она достала бутылочку и ватный диск. Я хотела отказаться, хотела уйти, но что-то в её спокойном взгляде заставило меня остаться.

Аня начала осторожно обрабатывать моё колено.

— Твоя «броня» из черной краски и металла — это круто, Лена, — тихо сказала она, не поднимая глаз. — Но здесь, в парке, можно просто кататься. Здесь не нужно защищаться.

Я промолчала, но внутри что-то странно дрогнуло. Впервые за всё время в этом городе кто-то не пытался меня ударить — словом или кулаком.

— Спасибо, — выдавила я, когда она наклеила огромный пластырь с рисунком динозавров мне на колено.

Аня рассмеялась.

— Динозавры приносят удачу. Пошли, докачу тебя до дома, а то ты на одном крыле далеко не улетишь.

Я хотела сказать, что мне не нужна помощь. Но вместо этого я просто кивнула. Впервые за долгое время тишина вокруг меня перестала быть враждебной.

Глава 6. Цифровой мост и тишина квартиры

Аня действительно довезла меня до самого подъезда. Мы ехали медленно, она придерживала меня за локоть, страхуя от каждого неровного камня на тротуаре. Когда мы остановились у обшарпанной двери, она достала из кармана телефон.

— Слушай, — начала она, глядя мне прямо в глаза, без тени насмешки или жалости. — Дай свой юз в тг. Чтобы не потеряться.

Я замерла. Мой внутренний «ежик» тут же выпустил иглы. Отдать контакт? Чужому человеку? Тому, кто видел меня плачущей на асфальте?

— Зачем? — буркнула я, отводя взгляд. — Мы же в одном классе.

— Ну, мало ли, — Аня пожала плечами, но её пальцы уже готовы были набирать номер. — Вдруг захочешь обсудить, как правильно падать с рампы. Или просто скинуть мем. Я не кусаюсь. Честно.

Я колебалась. Внутри всё сжималось от страха очередного предательства. Но в её глазах не было той липкой сладости, с которой обычно подходят новые «друзья», чтобы потом использовать тебя. Была простота. И немного упрямства.

Ладонь дрожала, когда я диктовала свой никнейм. Аня быстро вбила его, отправила смайлик — Ну вот. Готово. Теперь ты в моей зоне доступа.

Она помахала мне рукой — широко, по-детски открыто — и побежала к своему дому, скрытому за углом. Я смотрела ей вслед, пока она не исчезла из виду.

Подъезд встретил меня запахом сырости и запахом тухлятины. Я нажала кнопку вызова лифта и прислонилась спиной к холодной стене. В кармане завибрировал телефон. Сообщение от Ани: «Динозавр на колене держится?»

Я посмотрела на экран, и губы сами собой дрогнули в подобии улыбки. Но тут же внутри поднялась волна сомнения.

«Может, и правда в этой жизни есть хорошие люди?» — пронеслось в голове.

Но тут же другой голос, тихий и ядовитый, шепнул: «Нет. Она сделала это из вежливости. Ей стало жалко калеку. Завтра она увидит меня в школе, поймет, что я „уродка“, и сделает вид, что не знает меня. Все так делают».

Лифт приехал с противным скрежетом. Я зашла внутрь, нажала кнопку своего этажа и закрыла глаза. Отражение в зеркальных стенах кабины показалось мне чужим: черные волосы, бледное лицо, пустые глаза. Призрак.

Ключ повернулся в замке с щелчком, который эхом разнесся по пустой квартире.

— Лена? Ты пришла? — донесся голос мамы с кухни. В нём слышалась усталость и какая-то тревожная нотка.

Я не ответила. Сил говорить не было.

— Лена, ты как? У тебя лицо... — мама вышла в коридор, вытирая руки о полотенце. Её глаза расширились, увидев мои синяки и новую прическу. — Боже мой, что случилось?

— Устала, — отрезала я, проходя мимо неё. Голос звучал глухо, как из-под воды. — Просто устала.

— Лена, подожди...

— Не сейчас, мама. Пожалуйста.

Я захлопнула дверь в свою комнату и прислонилась к ней лбом. Тишина. Та самая, давящая, звенящая тишина, которая стала моим единственным соседом.

Я сбросила рюкзак на пол и рухнула на кровать, не раздеваясь. Потолок был белым, с трещиной, похожей на молнию. Я лежала и смотрела на неё, а в голове крутились мысли, одна страшнее другой.

«Что будет завтра?»

Вопросы роились, как осы:

«Как они отреагируют на мою внешность? На эти черные волосы? На пирсинг? Станет ли хуже?»

«Будет ли Лера продолжать травлю? Или моя новая „броня“ испугает её? А если нет? Если она решит, что я бросаю ей вызов?»

«Придёт ли завтра Аня? Или тот разговор у подъезда был просто минутной слабостью? Будем ли мы вообще общаться, или она забудет про меня, как только переступит порог школы?»

Я перевернулась на бок и уставилась в стену. Под подушкой лежал телефон. Экран погас. Я не хотела проверять сообщения. Я боялась увидеть там пустоту.

За окном темнело. Город, который меня не ждал, погружался в ночь. А я лежала в своей маленькой комнате, чувствуя себя песчинкой в огромном, равнодушном механизме. Но где-то глубоко внутри, под слоем боли и черного цвета, тлела маленькая, упрямая искра надежды. Надежды на то, что завтра будет хоть немного лучше, чем сегодня.

Или хотя бы просто другим.

Глава 7. Солнечные зайчики и общий плейлист

Утро началось не с будильника, а с солнечного зайчика, который нагло пробрался сквозь щель в шторах и засветил мне прямо в лицо. Я приоткрыла один глаз. Свет был мягким, золотистым, совсем не таким серым и враждебным, как вчера. Воздух в квартире казался удивительно чистым, лишенным той тяжелой, давящей атмосферы безысходности, к которой я начала привыкать.

Из кухни доносился запах. Сладкий, теплый, знакомый до боли. Запах жареных бананов и ванили.

Я медленно поднялась с кровати. Ноги всё ещё ныли после падения, но настроение было странным — легким, почти невесомым. На кухне мама стояла у плиты. Она была в своем старом, но выглаженном халате, волосы собраны в аккуратный пучок. На сковороде шипели оладьи. Мои любимые. Банановые.

— Доброе утро, солнышко, — обернулась она. И тут произошло то, чего я не видела уже месяц. Мама улыбнулась. Не той уставшей, натянутой улыбкой, которую она надевала, как маску, чтобы меня не тревожить. А настоящей. Широкой, искренней, с лучиками морщинок вокруг глаз.

Знаешь что? — сказала она, выкладывая горячие оладьи на тарелку. — Мне выплатили первую зарплату. Не большую, но свою. Честную.

Она поставила передо мной тарелку и чашку чая. В её голосе звенела гордость. Не за деньги, а за то, что она снова нужна. За то, что она справляется.

Мне стало тепло. Так тепло, что ком в горле, который жил там последние недели, вдруг растаял. Я взяла вилку.

— Поздравляю, мам, — тихо сказала я. И тоже улыбнулась. Пусть слабо, пусть уголками губ, но это была моя улыбка.

Я быстро съела пару оладий, запивая их сладким чаем. Вкус детства. Вкус дома. Даже если этот дом был временным и чужим, в эту минуту он стал немного роднее.

«Надо идти», — напомнила я себе, ставя чашку в раковину.

Пока я собирала рюкзак, телефон на тумбочке вибрировал. Я вспомнила, что вечером, перед тем как провалиться в сон, мне приходили сообщения. Я разблокировала экран.

Аня: «Как у тебя дела?»

Аня: «Спишь, что ли?»

Аня: «Ну тогда сладких снов»

На лице снова промелькнула тень улыбки. Но я быстро стерла её, словно испугавшись, что кто-то увидит мою слабость. «Не расслабляйся», — шепнул внутренний голос. Я закинула учебники в рюкзак, застегнула молнию куртки и вышла в коридор.

«В этот раз по лестнице», — решила я. Лифт слишком долго ехал, а мне хотелось движения, хотелось чувствовать ритм своих шагов.

Я начала спускаться по ступенькам, считая этажи. Первый. Второй. В кармане куртки завибрировал телефон. Затем еще раз. Короткая вибрация. Сообщение.

Я достала телефон, не останавливаясь.

Аня: «Я жду тебя возле подъезда. Пойдём в школу вместе?»

Сердце ёкнуло. Мне эта идея категорически не понравилась. Я привыкла ходить одна. Надевать наушники, включать Алёну Швец на полную громкость и растворяться в музыке, отгораживаясь от мира звуковой стеной. Компания означала разговоры. Разговоры означали эмоции. Эмоции я пока не хотела.

Но отвечать грубо «отстань» было нельзя. Аня вчера первая протянула руку помощи.

«Ладно», — написала я коротко.

Когда я вышла из подъезда, морозный воздух ударил в лицо. У входа, пританцовывая на месте, стояла Аня. Она заметила меня и помахала рукой.

— Привет! — крикнула она, когда я подошла ближе. — Не против, если составлю компанию?

Конечно, я была против. Но вид её открытого лица и ярких желтых шнурков на кедах обезоруживал.

— Ну раз пришла, то пошли, — буркнула я, доставая из кармана наушники.

Я вставила один наушник в ухо, второй оставила свободным, на всякий случай. Включила трек. Начались первые аккорды «Кислотного».

Аня шла рядом, слегка притормаживая, чтобы не обгонять меня. Через минуту она тихонько тронула меня за рукав.

— Слушай, а можно... один наушник?

Я удивленно посмотрела на неё. Обычно люди морщились, когда слышали мой плейлист.

— Тебе вряд ли понравится, — предупредила я. — Там много негатива.

— Давай попробуем, — настаивала она с любопытством.

Я пожала плечами и протянула ей второй наушник. Аня аккуратно вставила его в ухо. Мы шли молча пару секунд. Я наблюдала за её лицом, ожидая гримасы отвращения или недоумения.

Но выражение её лица изменилось. Глаза расширились, уголки губ дрогнули. Она кивнула в такт музыке.

— Ого, — произнесла она, когда куплет сменился припевом. — Ты тоже слушаешь Алёну Швец?

— А ты нет? — удивилась я.

— Обожаю! — воскликнула Аня, и её голос стал громче, энергичнее. — «Я рисую на асфальте...» Это же гимн всех подростков, у которых всё плохо, но они делают вид, что им всё равно!

Я невольно усмехнулась.

— Точно.

— А ты была на её концерте? — спросила Аня, глядя на меня с новым интересом.

— Была. В прошлом году. В Москве, — ответила я, и воспоминание о той поездке, о блеске огней и свободе, на мгновение вернулось ко мне.

— Круто! — Аня хлопнула себя по бедру. — Знаешь, а я тоже играю. На гитаре. И пою. Правда, больше рок и инди, но Швец мы с друзьями тоже разбирали.

Мы шли по улице, и музыка звучала в обоих наших ушах. Стена одиночества, которую я так тщательно возводила, дала трещину. Оказалось, что за этой стеной есть кто-то, кто говорит на том же языке. Языке музыки, боли и иронии.

— «Мальчик из Питера» умеешь играть? — спросила я неожиданно для себя.

— Конечно! — рассмеялась Аня. — Хочешь, после школы покажу свои финты? У меня есть акустика дома.

— Посмотрим, — уклончиво ответила я, но внутри что-то приятно кольнуло.

Мы дошли до школы. Здание нависало над нами серой громадой, но теперь оно не казалось таким уж враждебным. Мы зашли внутрь, переобулись в гардеробе. Аня болтала без умолку, рассказывая о какой-то смешной ситуации с её котом, а я слушала, иногда вставляя короткие реплики.

Когда мы поднялись на третий этаж и пошли к кабинету 8-го «Б», я почувствовала, что иду туда не как жертва, а как человек. С человеком рядом.

Дверь класса была приоткрыта. Внутри уже шумели голоса. Я глубоко вдохнула, поправила лямку рюкзака и шагнула внутрь.

Глава 8. Шаурма как акт сопротивления

Мы вошли в класс, и воздух словно сгустился. Лера сидела на своем троне из парт, лениво листая ленту в телефоне, но стоило мне переступить порог, как её взгляд метнулся ко мне. Он был тяжелым, липким, полным ядовитой зависти. Её подружки — те самые бледные тени, что вчера смеялись над моим падением — теперь смотрели на меня с каким-то странным, брезгливым сочувствием. Будто я была больной собакой, которую жалко, но подходить к которой страшно.

— О, «Бэтмен» вернулся, — протянула Лера, не поднимая головы от экрана, но достаточно громко, чтобы слышал весь ряд. — Надеюсь, ты не забыла смыть грим клоуна?

Кровь прилила к лицу. Руки сами сжались в кулаки. Внутри закипала та самая черная, густая злость, которая помогала мне выживать. Я сделала шаг вперед, открывая рот, чтобы выплеснуть всё, что накопилось: про сломанную гитару, про трусость, про её пустоту.

Но вдруг теплая рука легла мне на плечо. Аня.

Она легко, но настойчиво потянула меня назад, к нашей парте.

— Не обращай на них внимания, — тихо, но твердо сказала она мне на ухо. — Они просто пытаются привлечь внимание. Не давай им этой власти.

Я замерла. Посмотрела на Аню. Она спокойно села, достала учебник и начала искать нужную страницу, будто Леры вообще не существовало. Эта демонстративная невозмутимость обезоруживала лучше любых криков. Я медленно выдохнула, села рядом и тоже открыла книгу. Сердце колотилось, но я чувствовала странное облегчение. Я не одна.

Уроки пролетели на удивление быстро. Мария Сергеевна на физике даже подмигнула мне, когда объясняла закон сохранения энергии. «Энергия никуда не исчезает, она лишь переходит из одной формы в другую», — сказала она, и я поймала себя на мысли, что моя боль тоже куда-то уходит, трансформируясь во что-то новое.

Когда прозвенел последний звонок, Аня повернулась ко мне с хитрой улыбкой.

— Ну что, Ленка-Пенка, проголодалась?

— Ленка-Пенка? — переспросила я, морщась, но без злобы.

— Ну а как? Елена Вознесенская — слишком официально. Лена — скучно. А Ленка-Пенка звучит мило и немного по-детски, что контрастирует с твоим мрачным луком. Идет?

Я фыркнула.

— Если скажешь так при Лере, она умрет от смеха.

— Вот и отлично, — подмигнула Аня. — Пойдем, я угощаю. В честь нашего первого совместного дня выживания.

Мы вышли из школы. На улице было свежо, солнце уже клонилось к закату, окрашивая небо в фиолетовые тона. Мы шли к небольшой шаурмичной у метро, о которой Аня рассказывала всю дорогу («Там самый острый соус в районе!»).

Но судьба, казалось, любила драматические совпадения.

На углу, прямо перед входом в ларек, стояла Лера со своей свитой. Они курили, громко смеялись и блокировали проход. Увидев нас, Лера медленно выпустила дым в нашу сторону.

— Ого, — усмехнулась она, преграждая нам путь. — Куда это наши изгои направляются? Решили отравиться дешевой едой?

Аня остановилась, но не отступила. Она поставила руки в карманы своей широкой куртки и спокойно посмотрела на Леру.

— Привет, Лера. Мы просто хотим есть. Это преступление?

Лера шагнула ближе, нависая над нами. Её глаза блестели злобой.

— Ты думаешь, если ты подружилась с этой... чернокрысой, то стала крутой? — она кивнула в мою сторону. — Ты всего лишь её тень. А тени быстро стираются.

Я почувствовала, как внутри снова поднимается волна ярости. Но Аня была быстрее.

Она не повысила голос. Она даже не изменила выражения лица. Просто слегка наклонила голову и произнесла тихо, так, что слышали только мы трое:

— Знаешь, Лера, проблема не в том, кто чья тень. Проблема в том, что ты сама — пустота. Ты так сильно боишься остаться незамеченной, что готова унижать других, лишь бы почувствовать себя хоть кем-то. Но правда в том, что без нас ты — никто. Просто девочка с дешевым пирсингом и отсутствием собственного мнения.

Лера раскрыла рот, но звук не вышел. Её лицо сначала побледнело, потом залилось краской. Подружки переглянулись, испуганно пряча глаза.

Аня продолжила, ещё тише, почти ласково:

— Так что отойди. И дай нам пройти. Или продолжай доказывать всем, насколько ты глубока. Выбор за тобой.

Наступила тишина. Только шум машин где-то вдали. Лера смотрела на Аню широко раскрытыми глазами, в которых читалось не столько гнев, сколько шок. Она ожидала крика, слез, ответной агрессии. Но не этого холодного, хирургически точного анализа.

Она попятилась. Всего на шаг, но этого было достаточно.

— Пошли, — буркнула она своим подружкам, резко развернулась и быстрым шагом направилась прочь, стараясь не смотреть на нас.

Аня выдохнула и повернулась ко мне, широко улыбаясь.

— Ну что, Ленка-Пенка? Как тебе мой ораторский талант?

Я смотрела на неё, не веря своим глазам. Внутри всё дрожало от адреналина, но одновременно росло чувство восхищения.

— Ты... ты её уничтожила, — прошептала я.

— Нет, — Аня пожала плечами, толкая меня плечом в сторону ларька. — Я просто показала ей зеркало. А теперь пошли, я действительно хочу ту шаурму с острым соусом.

Мы зашли в тёплый, пахнущий шафраном и жареным мясом ларёк. Аня сразу уткнулась в меню, бурча что-то про «двойной соус и без лука». Я же прислонилась спиной к холодной стене у входа и наконец выдохнула. Руки ещё слегка дрожали. Адреналин, который разогнал кровь по венам после разговора с Лерой, начал отступать, оставляя после себя привычную, тягучую пустоту.

Я привычным движением достала из кармана куртки небольшую чёрную коробочку. Электронка. Плоская, матовая, без единого рисунка. Я купила её ещё в первую неделю в этом городе, в переходе у метро. Не ради вкуса, не ради «крутости». Просто чтобы было что-то, что занимает руки. Чтобы было на что дышать, когда внутри всё сжимается. Чтобы заменить слёзы паром.

Щелчок. Тихое жужжание. Я сделала медленную затяжку, задержала дыхание на секунду и выпустила облако мятного пара в сторону вентилятора. Голова слегка прояснилась. Сердце перестало колотиться где-то в горле.

— Ленка-Пенка, ты что, куришь эту штуку? — Аня обернулась, держа в руках два бумажных свёртка. В её голосе не было осуждения. Только лёгкое удивление.

— Иногда, — пожала я плечами, прятая электронку обратно в карман. — Когда шум в голове слишком громкий.

— Понимаю, — кивнула она, протягивая мне шаурму. — Но знаешь... дым не убирает шум. Он просто делает его мягче. А потом возвращается ещё громче.

Я замерла, глядя на неё. Это было слишком точно. Слишком по-взрослому.

— А что убирает? — спросила я тихо.

— Музыка. Друзья. Шаурма с двойным соусом, — она подмигнула. — И время. Дай ему поработать.

Аня болтала о школе, о каком-то школьном фестивале, о том, что хочет собрать группу. Я слушала, откусывала горячую шаурму, чувствовала, как специи обжигают язык, и впервые за долгое время мне не хотелось спрятаться в наушники.

В кармане лежала электронка. Тяжёлая. Знакомая. Но сейчас, рядом с Аней, она казалась не бронёй, а просто ещё одним вещью. Вещью, от которой, возможно, когда-нибудь можно будет отказаться. Не потому что так надо. А потому что станет не нужно.

Я не сказала ей, что это так. Но внутри, где-то глубоко под слоем чёрной краски и привычного цинизма, что-то дрогнуло. Как струна, которую впервые коснулись не для того, чтобы порвать, а чтобы настроить.

Завтра будет школа. Завтра снова будут взгляды, шёпот, Лера. Но сегодня у меня была шаурма, рыжая подруга, которая не требовала от меня быть «правильной», и тишина, которую я наконец научилась не бояться.

Глава 9. Аккорды весны

Мы ещё посидели в кафе, доедая остывающую шаурму и болтая обо всём на свете. Аня рассказывала смешные истории из детства, я слушала и иногда вставляла свои комментарии. Впервые за долгое время мне не нужно было думать о том, что сказать, как выглядеть или как защититься. Было просто легко.

— Слушай, — вдруг сказала Аня, вытирая руки салфеткой. — Пойдём ко мне? У меня есть та самая гитара, про которую я говорила. Старая акустика, но звук у неё... знаешь, живой.

Я колебалась. Идти в чужой дом? К людям, которых я не знаю? Но взгляд Ани был таким открытым и искренним, что страх отступил.

— Пошли, — кивнула я.

Дом Ани находился в соседнем дворе, в таком же панельном доме, но подъезд выглядел уютнее: на стенах висели детские рисунки, а на подоконниках стояли цветы. Мы поднялись на четвёртый этаж.

Дверь открыла женщина лет сорока пяти, с такими же рыжими, как у Ани, волосами, только собранными в небрежный пучок. Она была в домашнем платье и фартуке.

— Мама, это Лена, — представила нас Аня. — Моя новая подруга.

— Здравствуйте, Елена! — улыбнулась женщина, и её глаза лучились теплом. — Меня зовут Юлия. Проходите, раздевайтесь. Вы, наверное, голодные? Я тут пирог испекла...

— Мам, мы только что съели по две шаурмы, — рассмеялась Аня, скидывая кеды. — Мы лопнем.

Юлия посмотрела на нас с лёгким укором, но улыбнулась.

— Ну ладно, ладно. Лена, проходи, чувствуй себя как дома.

Я прошла в коридор, и вдруг запах пирога — сладкий, ванильный, с нотками корицы — ударил мне в голову. И мир вокруг словно дрогнул.

Вспышка памяти.

Наша старая кухня. Солнечное утро. Папа жарит блины, мама наливает чай. Смех. Громкий, беззаботный смех. Мой брат, Дима, хватает меня за талию и кружит по комнате.

— Лётчик! — кричит он. — Куда летим?

— На Марс! — визжу я.

Он сажает меня на спину, и мы бегаем по квартире, пока мама не начинает ругаться, что мы сломаем люстру. Потом мы садимся на пол, и Дима берёт в руки свою гитару. Он учит меня первым аккордам. Мои пальцы болят, струны врезаются в кожу, ничего не получается.

— Не выходит? — смеётся он, щекоча меня под боком. — Зато ты красиво морщишься. Давай ещё раз. Ам... Ре... Ми...

Он терпелив. Он никогда не злится. Когда у меня наконец получается сыграть простую мелодию, он хлопает в ладоши так, будто я выступила в Карнеги-холле.

— Вот видишь! — говорит он, протягивая мне гитару. — Это теперь твоя. Чтобы ты всегда могла позвать меня, даже если я буду далеко.

Я стою в коридоре чужой квартиры, сжимая ремешок рюкзака так, что белеют костяшки. Глаза щиплет. Я вижу перед собой не пустую стену, а лицо брата. Его добрые глаза, его улыбку. Ту самую гитару, которую потом разбила Лера... Она была его подарком. Его частью.

— Лена? Ты в порядке?

Голос Юлы вернул меня в реальность. Она стояла рядом, глядя на меня с лёгкой тревогой.

— Да, — выдохнула я, моргая, чтобы прогнать слёзы. — Просто... вспомнила кое-что.

Юля кивнула, поняв всё без слов. Она не стала задавать вопросов. Просто мягко положила руку мне на плечо.

— Иди к Ане. Она ждёт.

Аня была на кухне и нюхала пирог. Но увидела, что я уже сняла обувь и осматривала квартиру поспешила ко мне, проводить меня в свою комнату. Я последовала за ней. Комната оказалась светлой, заваленной книгами, постерами групп и всякими милыми безделушками. Аня рылась в шкафу.

И тут дверь из соседней комнаты приоткрылась, и оттуда вышел парень.

Он был высоким, широкоплечим, с короткими тёмными волосами и ярко-голубыми глазами, которые показались мне удивительно чистыми и знакомыми. На нём была простая серая футболка и джинсы. Лицо у него было добрым, но с той самой мужественной серьёзностью, которая бывает у тех, кто привык отвечать за свои слова.

Я замерла.

Это он.

Тот самый голос из глубины класса на уроке музыки. Тот, кто сказал: «Лера, хватит».

Парень увидел меня и остановился. Его губы дрогнули в улыбке.

— Привет, — сказал он. Голос был низким, спокойным.

Аня обернулась, увидела брата и тут же скрестила руки на груди, принимая грозный вид.

— Саша! Чего ты забыл в моей комнате?

Саша попытался сделать хмурое лицо, но у него не получилось — уголки глаз предательски смеялись.

« — Слышь, мелкая», — произнёс он, опираясь плечом о косяк. — Ты вообще-то у меня забрала мои новые наушники и не вернула. А они мне нужны. Я гулять собираюсь.

— Эй! — возмутилась Аня. — Во-первых, я не мелкая. Я всего лишь на десять минут младше тебя!

— Ну вот видишь, мелкая, — хмыкнул Саша.

Я невольно улыбнулась. Эта перепалка была такой живой, такой настоящей. Не токсичной, как у Леры, а тёплой, семейной.

Саша перевёл взгляд на меня и подмигнул.

— Привет ещё раз. Я Саша. Брат этой вредной особы.

— Лена, — тихо ответила я. — Так вы получается близнецы?

— Приятно познакомиться, Лена. Да мы с ней близнецы. Аня много о тебе рассказывала.

Говорит, ты круто играешь.

Мне стало неловко, но приятно.

— Ну, я... стараюсь.

— Ладно, ладно, — вмешалась Аня, толкая брата в плечо. — Уходи. Наушники на столе, забирай и проваливай.

Саша рассмеялся, прошёл к столу, взял наушники и, прежде чем выйти, снова посмотрел на меня.

— Удачи с гитарой. Если что, у меня есть электрогитара, могу показать пару фишек.

Он вышел, закрыв за собой дверь. Аня выдохнула и закатила глаза.

— Терпеть не могу, когда он прав, — пробурчала она, но тут же расплылась в улыбке. — Ладно, забудем его. Вот она!

Она достала из угла чехол и расстегнула молнию. Внутри лежала старая, потёртая акустическая гитара. Дека была испарана, струны выглядели уставшими, но инструмент дышал историей.

— Бери, — предложила Аня.

Я осторожно взяла гитару. Она была тяжёлой, деревянной, настоящей. Пальцы сами нашли привычное положение на грифе.

— Пойдём куда-нибудь? — спросила Аня. — Здесь стены тонкие, соседи будут стучать. Есть парк «Весна» рядом. Там тихо, красиво.

Мы вышли из квартиры, попрощавшись с Юлей, которая всё-таки успела сунуть нам в карманы по яблоку, и пошли вниз.

Парк «Весна» оправдывал своё название. Несмотря на прохладу, здесь уже пахло талым снегом и почвой. Деревья стояли голые, но сквозь ветки пробивалось яркое, весеннее солнце. На лавочках сидели мамы с колясками, подростки катались на скейтах и самокатах, старики кормили голубей. Жизнь кипела.

Мы нашли свободную лавочку в глубине парка, под старой липой. Аня села, взяла гитару и начала перебирать струны.

— Давай «Скейтера»? — предложила она.

Я кивнула. Аня заиграла ритмичный, драйвовый мотив. Я сначала просто слушала, но потом не выдержала и тихо подпела. Голос звучал неуверенно, тихо, словно я боялась потревожить воздух.

Но музыка сделала своё дело. К нашей лавочке начали подходить люди. Сначала пара девочек-подростков, потом ребята с самокатами. Они не мешали, просто стояли неподалёку, слушали. Кто-то начал подпевать припев. Кто-то просто улыбался.

Аня закончила песню и посмотрела на меня.

« — Твоя очередь», — сказала она, протягивая мне гитару.

Сердце пропустило удар.

— Я не могу, — прошептала я. — Здесь люди...

— Им всё равно, — пожала плечами Аня. — Или им понравится. Давай, Ленка-Пенка. Не бойся.

Я посмотрела на гитару. Потом на лица вокруг. Никто не смотрел на меня с осуждением. Никто не шептался. Все ждали.

Я взяла инструмент. Пальцы дрожали, но я заставила их успокоиться. Глубокий вдох. И первые аккорды «Первого свидания» полились в воздух.

Мой голос прозвучал иначе, чем в классе. Здесь, на улице, под открытым небом, он стал свободным. Чистым. Я пела не для оценки, не для того, чтобы доказать что-то Лере. Я пела потому, что не могла не петь.

К лавочке подходило всё больше людей. Кто-то снял видео на телефон. Кто-то закрыл глаза, наслаждаясь моментом. Я увидела несколько знакомых лиц из школы — они стояли в стороне, но не смеялись. Они слушали.

И тут я заметила его. Саша стоял недалеко, прислонившись к дереву. Он не подходил ближе, просто смотрел и улыбался. Той самой доброй, поддерживающей улыбкой, которую я видела в воспоминаниях о брате.

Я играла дальше. Перешла на песни «Нерва». Парни начали подпевать басом, девчонки — верхними партиями. Это был не концерт. Это был момент единения.

Внутри меня разливалось тепло. То самое, которого мне так не хватало все эти месяцы. Я не чувствовала себя призраком. Я не чувствовала себя чужой. Я была здесь. Сейчас. Живая.

Когда последняя нота угасла, в парке хлопнули. Не бурно, но искренне. Аня сияла.

— Видишь? — шепнула она. — Я же говорила.

Я опустила гитару на колени и впервые за долгое время почувствовала, что хочу жить. Не просто существовать. А жить.

Глава 10. Возвращение света

Туалет школы пах хлоркой и сыростью, как и в тот первый день. Я стояла у раковины, сжимая края холодного фаянса побелевшими пальцами. В зеркале на меня смотрела та самая девочка из начала главы: взлохмаченные черные волосы, потухшие глаза, темные круги под ними, словно тени от решетки. Пирсинг в брови и губе блестел тусклым металлом, напоминая о боли, которую я сама себе причинила, чтобы создать броню.

Но сегодня что-то изменилось.

Вчерашний вечер в парке, музыка, смех, тепло Сашиной улыбки и ощущение, что я живая, а не призрак, — всё это перевернулось внутри меня. Я посмотрела на своё отражение и поняла: эта маска больше мне не нужна. Она была щитом, когда мне было страшно. Но теперь у меня есть друзья. У меня есть музыка. У меня есть причина быть собой. Настоящей собой.

«Пора возвращаться», — прошептала я своему отражению.

Я вытерла лицо, поправила воротник куртки и вышла из туалета. Коридор гудел предвкушением чего-то важного.

На перемене в класс вошла София Васильевна, наш педагог-организатор. Женщина энергичная, с всегда идеальной укладкой и искорками в глазах.

— Ребята, внимание! — хлопнула она в ладоши, привлекая всеобщее внимание. — Через две недели в школе состоится ежегодный фестиваль «Весенний Бум»! И ваш класс, 8-й «Б», получил почетную миссию организовать тематическое кафе для гостей.

Класс взорвался возгласами радости. «Весенний Бум» был легендой школы. Каждый год ученики превращали актовый зал в разные миры: от космоса до средневекового замка. Это было весело, вкусно и круто. В моей старой школе такого даже не могло присниться.

— Вам нужно остаться после последнего урока, — продолжила София Васильевна, — чтобы выбрать стиль кафе, меню и распределить роли. Дерзайте!

Когда звонок прозвенел, никто не побежал к выходу. Все остались на местах, обсуждая идеи. Только Лера и её свита демонстративно собрали вещи.

— Детский сад, — фыркнула Лера, проходя мимо нас. — Будете играть в ресторан? Скучно.

— Ну и не надо, — буркнул кто-то из парней ей вслед. Класс облегченно выдохнул. Без Леры работать было легче.

— Итак, предложения? — спросила староста класса, Катя.

— Давай сделаем итальянское кафе! Пицца, паста! — предложил один парень.

— Или мексиканское! Тако, начос! — поддержала другая.

Споры затянулись. Идеи были хорошими, но какими-то шаблонными. Я сидела тихо, слушая. В голове всплыли образы из аниме, которые мы недавно обсуждали с Аней, и воспоминания о том, как мама иногда готовила суши.

— А почему бы не сделать японское кафе? — тихо сказала я.

Все повернулись ко мне.

— Японское? — переспросила Катя.

— Ну да, — я почувствовала, как щеки начинают гореть, но продолжила. — Можно оформить всё в стиле минимализма: сакура, фонарики, низкие столики. Официанты в кимоно или хаори.

В меню — онигири, моти, рамен. И обязательно острая лапша для тех, кто любит поострее. А на фоне можно включить лоу-фай или традиционную японскую музыку. Это будет атмосферно и необычно.

В классе повисла тишина. А потом Аня хлопнула в ладоши.

— Гениально! Ленка-Пенка, ты просто мозг! Мне нравится идея с острой лапшой.

Одноклассники начали кивать. Идея всем понравилась. Она была свежей, эстетичной и вкусной.

— Тогда решено! — объявила Катя. — Кафе «Сакура». Теперь нужно выбрать официантов. Кто хочет?

Руки поднялись не сразу. Быть официантом значило быть на виду, общаться с людьми, улыбаться. Для многих это было испытанием.

— Я могу, — сказала Маша, тихая девочка с косичками, которая сидела позади меня. Я удивилась. Маша? Та самая, которая раньше пряталась за книгами? Она робко улыбнулась.

— Я тоже, — подняла руку Аня.

— И я, — неожиданно для себя сказала я.

Катя записала наши имена.

— Отлично. Три девочки. Нужны ещё два парня.

— Я буду, — раздался глубокий голос. Это был Саша. Он сидел на задней парте, лениво крутя ручку. — Мне всё равно делать нечего, а тут хоть польза будет.

— И я, — тут же вызвался Миша, друг Саши. Высокий, спортивный парень, который постоянно взглядывал на Аню. Аня, заметив его взгляд, быстро отвела глаза, но я увидела, как её уши покраснели.

— Супер! — Катя захлопнула журнал. — Завтра начинаем готовить декорации. А пока все свободны!

Мы вышли из школы вчетвером: я, Аня, Саша и Миша. Вечерний воздух был свежим, небо окрашивалось в розовые тона.

— Представляешь, какой будет фурор? — смеялась Аня, идя рядом с Мишей. Они шли чуть впереди, их плечи почти соприкасались. Миша что-то рассказывал ей про новый трюк на скейте, а Аня слушала, широко улыбаясь. Между ними висело какое-то незримое, но очень плотное напряжение. Они нравились друг другу. Это было очевидно, как солнце днем. Но ни один из них не делал первого шага.

Я шла рядом с Сашей. Он нес мой рюкзак, хотя я протестовала, но он настоял: «Так положено джентльмену нести тяжести дамы».

« — Ты правда хорошо придумала с музыкой», — сказал он, глядя прямо перед собой. — Лоу-фай идеально подойдет для японской темы. Спокойно, но стильно.

— Спасибо, — ответила я. — Я просто люблю такую атмосферу.

Мы шли по аллее парка. Я привычным движением достала из кармана электронку. Щелчок. Затяжка. Пар вырвался изо рта, смешиваясь с прохладным воздухом.

Саша остановился и посмотрел на меня. Не осуждающе, а внимательно.

— Зачем ты это делаешь? — спросил он тихо.

Я замерла, держа устройство в руке.

— Что?

— Куришь. Зачем?

Я пожала плечами, чувствуя себя неловко.

— Так... Привычка. Помогает успокоиться.

— Тебе сейчас спокойно? — уточнил он.

— Ну... вроде да.

— А если бы ты не курила, тебе было бы тревожно?

Я задумалась. Нет, мне не было тревожно. Рядом с ним, с Аней, с этим новым проектом мне было хорошо.

— Нет, — честно ответила я.

— Тогда зачем? — Саша подошел ближе и забрал у меня электронку из рук. Он не выбросил её, просто держал в своей большой ладони. — Лена, ты талантливая. У тебя красивый голос. У тебя есть друзья. Ты становишься сильнее. Эта штука... — он кивнул на черную коро-

бочку, — она не делает тебя круче. Она просто крадет у тебя воздух. А тебе нужен воздух, чтобы петь. Чтобы жить.

Он посмотрел мне прямо в глаза своими ясными голубыми глазами.

— Ты заслуживаешь того, чтобы дышать полной грудью. Без дыма. Без масок.

Сердце пропустило удар. Его слова попали точно в цель. Не как упрек, а как поддержка. Как вера в меня.

Я посмотрела на электронку в его руке. Потом на свои руки. Вспомнила свое отражение в зеркале туалета. Черные волосы. Пирсинг. Дым.

«Пора возвращаться», — повторила я про себя.

— Ты прав, — тихо сказала я. — Отдай её мне.

Саша протянул устройство. Я взяла его, посмотрела на него последний раз и... положила обратно в карман. Не чтобы курить. А чтобы выбросить.

« — Спасибо, Саш», — сказала я, и моя улыбка была настоящей. Светлой.

Он улыбнулся в ответ.

— Не за что, Ленка-Черничка.

— Черничка? — рассмеялась я.

— Ну да. Снаружи черника тёмная и красивая, но внутри она сладкая. А не кислая, как лимон.

Мы дошли до перекрестка, где нам нужно было расходиться. Аня и Миша попрощались немного смущенно, обещая завтра обсудить список покупок для кафе. Саша махнул мне рукой.

— До завтра, Черничка.

Я шла домой одна, но одиночество больше не давило. В кармане лежала электронка. В сумке — план фестиваля. В голове — решение.

Придя домой, я сразу прошла в ванную. Достала электронку из кармана. Посмотрела на неё. И без колебаний бросила в мусорное ведро. Тук. Звук был тихим, но окончательным.

Затем я подошла к зеркалу. Аккуратно, дрожащими пальцами, я выкрутила шарик из пирсинга в брови. Капля крови выступила на коже. Я вытерла её ваткой. Потом губа. Ещё одна капля. Ещё одна свобода.

Я смотрела на свои проколы, которые затянутся через пару дней. На свои черные волосы, которые скоро станут историей.

«В субботу я иду в парикмахерскую», — решила я. — «Смою эту черноту. Верну свой цвет. Верну себя».

Впервые за долгое время я легла спать с мыслью не о том, как пережить завтрашний день, а о том, каким ярким он может быть.

Глава 11. Светлые пряди и бабочки

Суббота выдалась на удивление солнечной. Мама была в восторге, когда я сказала, что иду в парикмахерскую. Не просто подстричься, а смыть эту чёрную краску

— Наконец-то, — прошептала она, обнимая меня перед выходом. — Я так скучала по твоему родному цвету волос.

В салоне пахло шампунем, кофе и чем-то сладким. Мастерница, женщина с добрыми глазами, аккуратно смыла остатки тёмной краски, подровняла кончики и высушила волосы тёплым воздухом фена. Когда она убрала полотенце и вручила мне ручное зеркало, я замерла.

В отражении смотрела знакомая девочка. Светлые волосы, мягкие, живые, с лёгким золотистым отливом. Кожа чистая, только маленькие розовые точки на месте проколов напоминали о недавней броне. Я провела пальцами по прядям. Они были короче, чем раньше, но в них уже не было тяжести.

«Осталось только отрастить длину», — подумала я, и впервые эта мысль не вызвала тоски, а стала планом.

Воскресное утро началось с запаха блинов и тихого напевания мамы на кухне. Я сидела за столом, лениво помешивая чай, когда телефон завибрировал.

Аня: «Жду в гости! Миша уже в пути, будем штурмить план нашего кафе. Саша больше хочет увидеть тебя, чем заниматься столовыми салфетками»

Жар мгновенно прилил к щекам. Я попыталась сделать вид, что читаю что-то важное, но мама, протирая стол, уже ловила мой взгляд.

— Влюблённые секреты? — спросила она с лукавой искоркой.

— Да нет, просто... — я быстро набрала ответ. — Mam, можно я пойду к Ане? Обсудим фестиваль.

— Конечно, солнышко. Только оденься теплее. И не задерживайся.

Дорога казалась короче обычного. Когда я поднялась на четвёртый этаж и нажала на звонок, дверь открыла Аня.

— Ого! — она буквально ахнула, оглядывая меня с ног до головы. — Ленка, ты сияешь! Тебе так идёт светлый цвет. И лицо... без этих железок ты выглядишь как настоящая. Я так рада!

— Спасибо, — смутилась я, заходя внутрь.

— И не благодари, — хихикнула она, закрывая дверь. — Я тут думаю, это не фестиваль на тебя так повлиял. Это кто-то с голубыми глазами и смешным прозвищем.

Я фыркнула, но спорить не стала. Это было правдой. Конечно, музыка, скейт, поддержка Марии Сергеевны — всё это важно. Но слова Саши в парке про то, что мне «нужен воздух, чтобы петь», врезались в память намертво. И я поняла, что хочу дышать. По-настоящему.

— Мальчики уже в комнате, — кивнула Аня в сторону коридора. — Заходи, пока они не съели все чипсы.

Я толкнула дверь. На полу, окружённые листьями бумаги, маркерами и пустыми банками от колы, сидели Миша и Саша. Увидев меня, Саша тут же отложил ручку и широко улыбнулся.

«— Привет, Черничка», — сказал он, и в его голосе звучало такое искреннее тепло, что у меня внутри всё ёкнуло. — Ты... выглядишь потрясающе. Серьёзно. Светлые волосы — это твоё. Тебе очень идёт.

Я почувствовала, как уши горят, а сердце начинает стучать в ритме быстрой поп-панк песни.

— Спасибо, — пробормотала я, садясь на край дивана. — Я... я выбросила ту штуку. Электронку.

Саша на секунду замер, потом его улыбка стала ещё мягче. Он потянулся и легко, по-братски погладил меня по макушке.

— Я знал, что ты сможешь. Горжусь тобой.

Мы погрузились в работу. Оказалось, нам четверым досталась самая творческая часть: продумать меню, планировку зала и атмосферу. Остальные классом рисовали эскизы костюмов и искали декор. Мы спорили, сколько поставить столиков (решили на шесть, чтобы было уютно, но не тесно), рисовали схему расстановки, придумывали названия блюд. «Сакура-ролл», «Онигири с лососем», «Рамен „Феникс“», «Моти „Закат“».

Атмосфера была невероятной. Мы ели чипсы, пили газировку, смеялись над неудачными набросками Миши. А я ловила себя на мысли, как мило переглядываются Аня и Миша. Он передавал ей маркеры, их пальцы случайно касались, и оба тут же отводили глаза, пытаясь сделать вид, что ничего не произошло. Аня краснела. Миша нервно поправлял волосы. Было очевидно, трогательно и очень по-детски искренне.

Мы не заметили, как стемнело. На часах было без двадцати восемь.

— Пора расходиться, — вздохнула Аня, собирая листы в папку. — Родители скоро вернутся, а у нас тут штаб-квартира.

— Я провожу, — тут же вызвался Саша, вставая.

Миша подмигнул ему, но ничего не сказал. Аня просто улыбнулась.

Мы вышли на улицу. Вечерний воздух был прохладным, но свежим. Мы шли не спеша, болтая обо всём подряд. Саша поддразнивал меня, вспоминал смешные моменты с планировки, а потом перешёл на Аню и Мишу.

— Ты видела их? — хмыкнул он. — Как два щенка, которые боятся подойти друг к другу. Им бы просто сказать всё прямо, а они молчат, как партизаны.

— Может, боятся испортить дружбу? — пожала я плечами.

— Или боятся, что это взаимно, — тихо сказал он, посмотрев на меня. — Такое бывает. Страшно признаться, когда боишься потерять.

Его взгляд был серьёзным. Я поняла, о чём он. И снова те самые бабочки в животе затрепетали, но уже не от страха, а от предвкушения.

Мы дошли до моего подъезда. Саша остановился.

— Ну вот, — сказал он, слегка разведя руками. — Доставил Черничку домой.

— Спасибо, что проводил, — улыбнулась я.

Он сделал шаг ближе, и прежде чем я успела отреагировать, обнял меня. Не крепко, но уверенно. Его куртка пахла морозом и чем-то древесным. Моё сердце пропустило удар, а потом забилось так быстро, будто хотело вырваться. Бабочки превратились в целый рой.

— Пока, Черничка, — прошептал он, отпуская меня.

— Пока, — выдохнула я.

Он не уходил, пока я не достала ключи и не зашла внутрь. Я обернулась у двери лифта — он всё ещё стоял на крыльце, улыбаясь, и махнул мне на прощание.

В квартире пахло уютом. Мама ждала меня на кухне с чашкой чая.

— Ну как, Капелька моя? Как прошёл день? — спросила она, обнимая меня.

Я вывалила на неё всё: про меню, про чипсы, про смешные глаза Ани и Миши, про то, как Саша провёл меня до дома. Мы смеялись до слёз. Мама слушала, кивала, а потом мягко спросила:

— А этот мальчик... Саша, да? Он тебе нравится?

Я задумалась. Честно. Раньше я бы сказала «нет», чтобы защититься. Сейчас я просто улыбнулась.

— Мне с ним хорошо, мам. По-настоящему хорошо.

Она погладила меня по волосам.

— Это главное.

Я легла в кровать, закрыв глаза. В голове роились планы, воспоминания, обрывки песен и та самая Сашина улыбка. День был насыщенным, полным жизни и тепла. И впервые за много месяцев я засыпала не с чувством тяжести, а с лёгкой, светлой уверенностью. Всё будет хорошо. И несмотря на все трудности, я буду держаться. Потому что теперь я не одна. И я знаю, куда иду.

Глава 12. Фестиваль «Весенний Бум» и тень в подъезде

До фестиваля оставалось четыре дня, но школа уже жила в другом ритме. Воздух звенел от предвкушения. Начальные классы репетировали театральные сценки, старшиклассники разучивали вальс, а коридоры превратились в мастерские: кто-то клеил декорации, кто-то шил костюмы.

Наше кафе «Сакура» должно было расположиться в кабинете русского языка — самом просторном помещении на этаже. Катя с девочками-рукодельницами за ночь сшили нам кимоно. Когда я примерила своё — нежно-белое, с вышитыми веточками сакуры, — я едва узнала себя в зеркале. Аня была в коричневом кимоно с иероглифами, Маша — в ярко-красном, с крупными цветами пионов. Мальчикам достались юкаты: Мише — белая, Саше — чёрная, как ночь.

Вечером перед фестивалем я легла спать с чувством лёгкого, приятного возбуждения. Завтра будет важный день.

Утро дня «Х» началось с бабочек в животе. Я проснулась рано, сердце колотилось, но я глубоко вдохнула и успокоила себя: «Мы всё подготовили. Всё будет хорошо».

Ко мне пришла Аня. Мы помогали друг другу с причёсками, закалывали волосы красивыми шпильками. Мама накануне подарила мне одну — с маленьким жемчужным цветком. Она идеально дополнила образ.

— Ты выглядишь как принцесса из аниме, — восхищённо сказала Аня, поправляя мой воротник. — И знаешь... тебе очень идёт этот свет. Настоящий.

Мы вышли из дома с прекрасным настроением. Волнение было, но оно стало топливом, а не тормозом.

Возле школы нас уже ждали Саша и Миша.

Когда я увидела Сашу, время словно замедлилось. Чёрная юката подчеркивала ширину его плеч, делала фигуру статной и мужественной. Его тёмные волосы были аккуратно уложены, а голубые глаза сияли так ярко, что мне пришлось моргнуть. Он смотрел на меня, и в этом взгляде было столько тепла и восхищения, что мои щёки вспыхнули.

— Вау, — выдохнул он, подходя ближе. — Ленка... Черничка. Ты выглядишь... невероятно.

— Ты тоже, — тихо ответила я, не в силах отвести взгляд. — Тебе очень идёт чёрный.

Миша и Аня переглянулись.

— Ну всё, романтики, — хмыкнул Миша, подталкивая Аню в спину. — Пойдём, надо музыку включить, столы проверить. Оставим их наедине, а то они так до вечера простоят.

Аня смущённо улыбнулась и последовала за ним, бросив на нас многозначительный взгляд.

Мы с Сашей ещё секунду стояли, глядя друг на друга. Потом он осторожно взял меня за локоть.

— Пошли быстрее, а то без нас начнут, — усмехнулся он, и мы побежали к кабинету, смеясь.

Фестиваль «Весенний Бум» начался. Наше кафе «Сакура» стало одним из самых популярных мест. Запах рамена, эстетика низких столиков, тихая лоу-фай музыка и наши улыбки привлекали гостей со всей школы. Даже строгая завуч заглянула к нам и похвалила атмосферу.

Мы работали посменно. Когда наша смена закончилась, мы с ребятами отправились гулять по школе. Было весело: мы пробовали сладкую вату у начальных классов, смотрели на танцы старшекласников, смеялись над неудачными попытками некоторых парней исполнить па вальса.

В какой-то момент Миша отвёл Аню в сторону и вручил ей маленький свёрток. Это было изящное серебряное украшение в виде листа клёна. Аня покраснела до кончиков ушей, а Миша, довольный собой, вернулся к нам с глупой, но счастливой улыбкой.

Саша тоже подошёл ко мне. В руке он держал небольшую коробочку.

— Это тебе, — сказал он просто.

Я открыла её. Внутри лежала тонкая серебряная цепочка с кулоном в виде миниатюрной акустической гитары.

— У меня такая же, — он приподнял воротник своей юкаты, и я увидела на его шее точно такой же кулон. — Чтобы мы всегда были на одной волне. Даже если далеко.

Сердце пропустило удар. Я надела кулон, чувствуя холод металла на коже, который быстро согрелся от моего тела.

— Спасибо, Саш, — прошептала я. — Это... самое лучшее, что у меня есть.

Он улыбнулся, и в его глазах мелькнуло что-то большее, чем просто дружба.

Фестиваль затянулся до позднего вечера. Когда мы вышли из школы, на улице было уже темно, но небо было чистым и усыпанным звёздами. Свет фонарей создавал мягкое, романтическое освещение.

Мы шли четвером до дома Саши и Ани. У их подъезда Миша наконец решился. Он неловко, но нежно обнял Аню. Та замерла, а потом тихо рассмеялась, уткнувшись ему в плечо. Мы с Сашей переглянулись и ехидно улыбнулись друг другу.

— Наконец-то, — шепнул Саша.

Миша ушёл во второй подъезд (он жил в том же доме), а Саша повернулся ко мне.

— Давай я провожу тебя, Черничка.

Я кивнула. Мы пошли медленно, не спеша. Говорили обо всём и ни о чём. О музыке, о школе, о том, как смешно выглядел завуч, пытающийся есть палочками.

Когда мы подошли к моему подъезду, я остановилась. Посмотрела на звёздное небо, потом на Сашу. Он стоял рядом, высокий, надёжный.

— Спасибо за сегодня, — сказала я.

Он шагнул closer и обнял меня. Крепко, но бережно. Я закрыла глаза, вдыхая запах его одежды, и почувствовала, как всё тело наполняется теплом. Бабочки в животе превратились в ураган. Мне было так хорошо, так спокойно и так страшно одновременно. Казалось, он чувствует то же самое. Его рука легко гладила меня по спине.

На прощание он погладил меня по голове, почти по-детски нежно, будто боялся сломать.

— Ты особенная, Лена. Помни это.

Я кивнула, не в силах говорить. Он отошёл, ожидая, пока я зайду.

Я достала ключи, но рука дрожала. Я посмотрела на него ещё раз. Он улыбался той самой доброй улыбкой. И вдруг мне захотелось ещё одного объятия. Ещё одного момента.

Я бросилась к нему и крепко обняла, уткнувшись лицом ему в грудь.

— Спасибо, что ты со мной, — прошептала я.

Потом я резко отстранилась, развернулась и почти побежала к двери подъезда. Сердце билось где-то в горле. Я вставила ключ в замок, толкнула тяжёлую дверь...

И в этот момент чьи-то сильные руки резко схватили меня сзади, одна зажала рот, другая потащила в темноту лестничной клетки, ведущей в подвал.

Я не успела даже вскрикнуть. Темнота поглотила меня. Запах пыли, плесени и дешёвого табака ударил в нос. Меня тащили вниз по ступенькам. Я пыталась вырваться, лягалась, царапалась, но хватка была железной.

«Кричи!» — командовал разум. Но рука на рту давила сильно.

В отчаянии я собрала все силы и со всей мощью укусила пальцы, зажимавшие мой рот.

— А-а-а! — взвыл нападавший и ослабил хватку.

Я вырвалась, сделала глубокий вдох и закричала. Не просто крик о помощи. Я кричала имя, которое только что звучало в моих мыслях как символ безопасности.

— САША! САША!!!

Голос сорвался на визг, эхо метнулось по бетонным стенам подъезда. Я кричала так громко, что заложило уши.

Нападавший снова бросился на меня, зажимая рот.

— Заткнись, уродка! — прорычал он.

Голос... Знакомый голос. Грубый, хриплый.

В свете фонаря, пробивающемся через грязное окно площадки, я увидела лицо. Парень лет пятнадцати, с прыщавым лицом и злобными глазами. Я видела его раньше. Он всегда крутился вокруг Леры, носил её сумку, смеялся над её шутками. Один из её «пажей».

Лера. Конечно, это она. Месть за фестиваль? За то, что я осмелилась быть счастливой?

Парень снова зажал мне рот, вдавливая голову в стену.

— Лера передавала привет, — прошипел он. — Скажи спасибо, что я тебя просто пугаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.